

речь идет о летописях) неизбежно оказывается заключенной в феодальную, в церковную форму. Особенно характерно это для Руси, где интерес к личности, зарождавшиеся черты гуманизма были искажены резким усилением церковной идеологии в связи с упадком городской культуры вследствие нашествия монгольских захватчиков; это усиление сопровождалось, например, превращением многих светских памятников в церковные жития.

Поэтому продолжаю думать, что главный вопрос состоит не в том, кому персонально приписать составление летописи, а в выяснении того, признаем ли мы дошедшие летописи сводами, и если да, — чьи классовые (или какой классовой группы) политические интересы в них господствуют, а чьи — занимают подчиненное положение. Этот вопрос в буржуазной историографии также, понятно, не ставился.

М. Н. Тихомиров прав, когда пишет, что летописи «сохранили немалое количество памятников гражданской литературы, представлявших собой когда-то особые повести» (стр. 63). Исходя из признания сводного характера Ипатьевской летописи, я выделяю в ней светские великокняжеские своды (сводов, составленных при епископских дворах, мне обнаружить не удалось), основанные на серии светских повестей, гражданских документов и т. п. Мы не сможем, однако, извлечь из летописей эти светские повести, зачастую составившие основу летописи, если будем пытаться механически рубить летопись на куски. Летопись, в частности Галицко-Волынская, не состоит из источников, последовательно сменяющих друг друга, она представляет собою туго сплетенную косу первоисточников, не раз обработанных в угоду сменявшимся правителям. Отрубив кусок летописи, мы отрубам одновременно куски нескольких ее составных частей и, как правило, лишаем себя возможности постигнуть их полноту, степень и смысл переработки. Задача, видимо, состоит в том, чтобы, признав официальный характер большей части нашего летописания, терпеливо расплести составные части летописей (повести, документы, и т. п.). Лишь таким образом изучая эти составные части, сможем мы снять с них господствующую оболочку официальной идеологии и понять их первоначальный политический смысл. Историки литературы много делают для выявления именно светской основы древнерусской словесности и летописания (достаточно назвать исследования Д. С. Лихачева и В. П. Адриановой-Перетц).

Интересно, что и сами древние авторы отнюдь не сомневались в официальном характере летописей — исторических хроник. Например, Кирилл Туровский (XII в.) писал: «Летописи и ветия, рекше летописци и песнотворци, приклоняют свои слухы в бывшая между царей рати и ополчения, да украсить словеса слышащая и възвеличать крепко храбравшая и мужествовавшая по своем цари, и не давших в брани плещи врагом, и тех славяще похвалами венчают»⁷.

М. Н. Тихомиров отмечает, что «письменные памятники — летописи, повести, жития и пр. — также отчасти могут быть приписаны представителям феодальной верхушки» (стр. 53), что «заказчиками обычно выступают епископы, игумены, князья, бояре, но исполнителями, как правило, было низшее духовенство» (стр. 53). Следовательно, все дело в конкретном изучении летописей и глубоком внимании к раскрытию их классового, политического смысла, борьбы светской и церковной идеологий, — к этому призывает исследователей ценная статья М. Н. Тихомирова.

Обобщающая статья В. П. Адриановой-Перетц «Историческая литература XI — начала XV в. и народная поэзия» (т. VIII, стр. 95—137) ставит проблему соотношения эпоса и литературы. В. П. Адрианова-Перетц интересно и убедительно анализирует отражение в древнерусской исторической литературе идейной и художественной сущности народного эпоса — преданий, сказок, пословиц, поговорок; верен и вывод автора, что «при всем богатстве устнопоэтических отзвуков в литературном эпосе XI—XIII вв., не следует преувеличивать широты отражения в них всего многообразия фольклора той эпохи. Летописец тщательно отбирал то, что соответствовало его официальной роли княжеского или монастырского историографа» (стр. 107; ср. стр. 109, 112). Думаем, однако, что обращение к фольклору было обусловлено не только (и не столько) тем, что ведущая тема светской литературы — тема историческая (стр. 137), а тем, что идеологи различных групп господствующего класса были вынуждены черпать свою мудрость из сокровищницы народного творчества.

Продолжением этого исследования является другая работа В. П. Адриановой-Перетц «Исторические повести XVII века и устное народное творчество» (т. IX, стр. 67—96), где автор на материалах повести о М. В. Скопине-Шуйском, «Послания дворянина к дворянину», повестей донских казаков ярко показывает развитие возникшей в XVI в. новой формы народного устного эпоса — исторической песни и ее широкого влияния на литературу. Хотелось бы в дальнейшем видеть (если позволяет материал) анализ и народных «прелестных писем» как памятников литературы и публицистики XVII и XVIII вв. Весьма интересен и вопрос о влиянии появления печатного станка на судьбы народного эпоса⁸. В «Трудах» крайне желательно осветить изучение эпоса для познания народной психологии; весьма существенной задачей является исследование эпоса с целью раскрытия исторических корней дружбы народов нашей страны.

⁷ «Памятники древнерусской церковно-учительной литературы», вып. 1, СПб., 1894, стр. 167.

⁸ См. К. М. а р к с, К критике политической экономии, Госполитиздат, 1951, стр. 225.